

РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1990-Х ГОДОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2013 г. Р. Х. Симонян

Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института социологии РАН, Москва

Анализируется роль психологического фактора в постсоветской истории. Рассматривается экономическая модель, запущенная российскими реформаторами в начале 1990-х годов, и ее влияние на общественные настроения, психологию собственника, социально-психологическое здоровье нации и др. Показано ее отрицательное воздействие на основные сферы жизни общества, особенно на нравственно-психологическую, от которой в большой степени зависит и экономика, и политика, и право, и все остальные стороны общественной жизни.

Ключевые слова: экономические реформы 1990-х, массовое сознание, массовое настроение, психическое здоровье нации, атомизация, отчуждение, агрессия, аномия, психология российского собственника, “российская специфика”, новые большевики, кабинетные специалисты.

При изучении любой стороны жизни общества социальные взаимодействия и коммуникации остаются основными предметами теоретизирования. Отличие состоит только в том, что в одних подходах внимание сфокусировано на социально-институциональных регуляторах, в других – на социокультурных механизмах, в третьих – на индивидуальных смыслах и значениях. Последнее направление представляется нам наиболее важным. Известно, что с развитием общественных отношений возрастает и роль личности. А насколько – ответ надо искать в современной общественной практике. Это сопредельная территория социологии и психологии, политологии и психологии, экономики и психологии. То, что в основе экономики лежит человеческая психология, доказано давно. Но только в последние годы тезис “Экономика – это на 70% психология” стал популярным не только в научном сообществе, но и среди широкой общественности. Действительно, мотивы людей, ориентации и установки формируют их экономическое поведение (и в производственной, и в распределительной, и в потребительской сферах). А вкусы, воля, убеждения, темперамент, способности, таланты и другие индивидуальные качества личности во многом определяют содержание и цель управленческих решений, принятых на государственном уровне. Особенно ярко это проявляется в переходных, неустойчивых обществах, в которых действие законов общественного развития в значительной,

а иногда и в определяющей мере корректируется действиями конкретных руководящих персон. «Я лично верю в случайность в истории, то есть в волю человека, – писал академик Д.С. Лихачёв. – Поэтому такие вопросы, как “что нас ждёт в будущем?”, не имеют смысла. Нас ждёт то, что **мы сделаем сами**, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определённой пути в истории, нет» [29, с. 3]. Социальные закономерности в значительной мере дополняются и корректируются субъектами, или, как теперь принято говорить, акторами социального действия. По справедливому замечанию П. Штомпки, “история перестала быть естественно-историческим и стала **социально-историческим** процессом. Явления внутреннего мира человека становятся во многом определяющими общественную практику” [45, с. 290].

Цель данной статьи – обращение к результатам российской реформации в человеческом измерении и связи с этим – к анализу личностных качеств российских реформаторов, «без чего нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском “чёрном вторнике” 1994 г.» [1, с. 173].

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМ

Мониторинговые общероссийские репрезентативные исследования, проводимые Институтом социологии РАН (последнее из них было

проведено в апреле 2011 года, в котором по общероссийской репрезентативной выборке было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 11 социальных групп населения всех территориально-экономических районов страны), показывают, что в общественных настроениях доминирует пессимизм. 73% россиян оценивают нынешнюю ситуацию в стране как кризисную, а 11% – как катастрофическую [15, с. 55]. Следует особо подчеркнуть, что такая оценка респондентами произошедшего после реформ унижительного и нарастающего отставания России от ведущих стран мира не связана с их собственной ситуацией [15, с. 56]. Это указывает на то, что чувство, высказанное героем культового фильма “Белое солнце пустыни” таможенником Павлом Верещагиным – “За державу обидно!”, – приобретает широкий общественный масштаб.

Наша экономическая и социологическая периодика наполнена результатами многочисленных упражнений в подсчете пропорций и кластеризации групп “выигравших” от реформ и “проигравших”. Сама по себе категория “выигравших” чрезмерно упрощает сложные процессы происшедших тектонических сдвигов в России и их социально-психологические итоги. Среди тех, кого относят к “выигравшим”, существенную часть составляют “приспособившиеся”. Когда приводятся цифры числа “выигравших”, то возникает вопрос: в чём выигрыш? Вряд ли будет правомерно ограничивать его количеством потребляемых материальных благ. Человеческие потребности на этом не заканчиваются. Системная социологическая категория “качество жизни населения” включает в себя экономическую категорию “доходы населения” лишь как один из важных, но далеко не определяющих элементов. Методика сведения “выигрыша от реформ” к материальному достатку не только теоретически безграмотна, но и оскорбительна для человека. Для многих “выигравших” нынешний упадок России воспринимается очень глубоко. Россиянин всегда высоко ставил государственность. Всё, что связано с величием страны, является для него наиболее приоритетной ценностью. Для представителей же малообеспеченных слоёв гордость за свою страну всегда была необходимой и безусловной, а иногда и единственной компенсацией за бедность и социальную неустроенность. Сегодня даже очень состоятельные россияне испытывают обычную человеческую боль за судьбу своей страны. Это доказывают масштабы протестных движений, возникших в канун 20-летия реформ.

Исследование показало, что “самым распространённым по частоте его переживания является **чувство несправедливости всего происходящего вокруг**. Это чувство свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося за прошедшие двадцать лет в России. Это чувство периодически испытывают свыше 90% россиян, при этом 48% испытывают его часто” [15, с. 64]. Из ощущающих эту несправедливость 77% испытывают чувство стыда за нынешнее состояние своей страны. Авторы исследования считают, что стыд за страну связан с отрицанием сложившегося в России за последние 20 лет “порядка вещей”, “правил игры”, “хозяйственного механизма” и т.п., которые представляются людям “не только несправедливыми, но и позорными” [15, с. 66]. Общество начинает всё отчётливее осознавать, что запущенная в 1990-х годах российскими реформаторами экономическая модель разрушает страну. В 2011 году доля тех, кто считает, что так дальше жить нельзя, составила почти треть населения (29.5%). Следует подчеркнуть, что эту группу составляют как низко-, так и высокодоходные слои населения.

Поэтому неудивительно, что доля россиян, которые считают, что реформы были проведены именно так, как их следовало проводить, по-прежнему крайне мала – 6%. А если исключить ответы тех, кого в начале 1990-х годов ещё не было на свете, и тех, кто был тогда ребёнком (до 12 лет), то считающих, что реформы были проведены правильно, всего 4% (запомним эту цифру!). То есть население России психологически не воспринимает и не принимает тот социально-экономический уклад, который возник в стране после реформ 1990-х годов.

Подавляющее большинство россиян живут в состоянии стресса, постоянном ощущении напряженной и сложной окружающей действительности. Это одна из причин пассивности общества. 2/3 населения больше думает не о демократии, а о том, как выжить. Поэтому организованная направленная социальная активность длительное время отсутствовала. Как отмечает Ю.А. Левада, чаще всего “в разной степени растревоженные общественные группы оставались преимущественно пассивными зрителями в политическом театре” [28, с. 51]. Наибольший уровень стресса и нервного напряжения связан для россиян с работой. Связано ли это с уровнем доходов? По-видимому, да, так как по рейтингу потерь за прошедшие 20 лет снижение уровня жизни оказалось главной потерей для 48% опрошенных. Ещё один характерный показатель: сбережения, достаточ-

ные, чтобы прожить на них не менее года, имеют лишь 4% населения [15, с. 232]. То есть запас материальной прочности населения очень низок. А цифра 4% даёт повод задуматься о целях реформ, их адресной направленности и цене благополучия этих 4%.

Уже в первые годы реформ стало очевидным, что возведение эгоизма в ранг общественной добродетели наносит серьёзный вред этическим скрепам социума. Неистовость в стремлении к консюмеризму и комфорту, по сути, отвергает такие ценности, как сострадание, сочувствие и солидарность, порождая в обществе разобщённость и апатию. Нынешние россияне активны лишь в обустройстве собственной жизни, жизни своей семьи. Люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию или как-то влиять на нее за пределами узкого жизненного пространства. Сегодня самоидентификация в кругу близких на порядок выше идентификации с большими социальными общностями. Исследование ещё раз подтвердило, что “поддержка со стороны своих близких – это единственное положительно окрашенное чувство, которое распространено среди населения действительно широко” [15, с. 61]. Самоопределение “мы – это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела” доминирует в нынешнем российском обществе. Эта ломка идентитета – эффект событий 1990-х годов. Массовое социальное безразличие становится характерной чертой постсоветской России. “В нынешнем российском обществе, – пишет проф. О. Яницкий, – нет согласия относительно базовых ценностей и целей. Его характерными чертами являются всеобщий дефицит доверия, выживание одних за счёт других и всех – за счёт природных запасов и богатства, созданного трудом предшествующих поколений. Сама среда жизни всё более превращается в производителя и распространителя рисков. Разделение населения России на сверхбогатое меньшинство и обнищавшее большинство – рискогенно само по себе” [46, с. 34].

В настоящее время российский социум утрачивает само понятие “общество”. Разумеется, за двадцать лет фундаментальные этнические качества разрушить невозможно, но деформировать, существенно повлиять на менталитет, на поведенческие стандарты оказалось реальным. Не меньшая разобщённость произошла и в общественной психологии. Беспредельная полиментальность россиян – ещё одно из последствий 1990-х гг. Это отметил директор Института психологии проф. А.Л. Журавлёв, выступая в январе 2012 года на встрече учёных и предпринимателей в Торгово-

промышленной палате РФ, посвящённой итогам реформ. Он подчеркнул, что “наше общество по психологическим характеристикам даже ещё более дифференцированное, чем по социальным. В каждом из его структурных слоёв сегодня соседствуют не только разнообразные, но и прямо противоположные ментальности” [27, с. 227].

Реальность состоит в том, что утраченная солидарность возникает или как единственное средство выживания, что было продемонстрировано россиянами при лесных пожарах в Центральной России летом 2010 года, или как неотложная помощь оказавшимся в беде во время наводнения в Краснодарском крае в 2012 г. То есть выплеск человеческого участия и возникших на этой основе форм солидарности произошёл в ответ на бездействие государства – показательный факт пореформенной России, получивший широкое отражение в средствах массовой информации. Неэффективность государства в обеспечении безопасности своих граждан оказалась, как это ни парадоксально, практически полезной. Это побудило россиян к необходимости самоорганизации в ситуациях природных или техногенных катастроф, что было продемонстрировано подъёмом волонтерского движения в трагические дни на Кубани. Масштабом жертв от пожаров 2010 г. общество было уже подготовлено к реалиям новой, постсоветской системы. Учитывая возрастающую рискогенность нынешнего народного хозяйства России, можно сделать вывод о том, что россияне будут постепенно возвращаться к своим исконным ценностям – коллективизму и солидарности. Но культурно-травматический шок 1990-х годов останется, ибо в памяти народа долго ещё будет сохраняться горькое осознание того, *чём* закончился в 1989–1991 годах его порыв к общественным переменам. Растерянность общества, возникшая от реформ, социальное разочарование – это один из основных социально-психологических итогов трансформации российского общества в 1990-х гг.

Глубокую травму получила интеллигенция, которая, поддержав реформы, практически утратила свой моральный статус в обществе, оказалась в состоянии своеобразного социально-психологического нокдауна. Очевидный упадок этой социальной группы фиксируют многие исследователи. «Сегодняшнее острое ощущение деградации слоя “культурных людей”, “интеллигенции”, “образованного сообщества” и т.п., произошедшей в последние 15 лет, – пишет руководитель “Левада-Центра” Л.Д. Гудков, – связано не только с фактической потерей ими авторитета, их “не-

слышностью” или невлиятельностью в рыночной экономике. Широко распространённое принятие, если не одобрение, ельцинского, и в ещё большей степени действующего режима лишило интеллигенцию внутреннего самооправдания, морально-го смысла существованию образованных» [13, с. 37]. Экономическая модель, состоящая в продаже национальной природной ренты на мировом рынке, была запущена реформаторами при содействии (вольном или невольном) российского образованного слоя.

Подавляющее большинство россиян считает себя ограбленными в результате реформ [15, с. 172]. Но на общественное настроение, возникшее после 1990-х годов, оказали решающее влияние вовсе не материальные потери, как бы они ни были велики, а обман. То, что из своего народа российские реформаторы сделала “лохов” (как в России презрительно называют своих жертв аферисты), – вот что не может простить им население России. Социальный пессимизм и апатия, господствующие в нынешней России, своим источником обязаны не столько ограблению населения, сколько этому осквернению души. Для русского человека духовно-нравственная ценность – традиционно более значимая категория, чем ценность материальная. Ограбление со временем может забыться, но публичное унижение – иная категория, оно остаётся в памяти народа. Это глубокий шрам, который постоянно напоминает о себе. Как писал М. Вебер, “нация простит ущемление её интересов, но не простит оскорбление её достоинства” [9, с. 694].

Ещё одна составляющая непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – это пренебрежение нравственно-психологическим миром человека. Начиная преобразования, реформаторы постоянно декларировали, что не так важно, как получена собственность, важно как можно быстрее создать класс собственников. Отмена моральных ограничений при сколачивании капитала кардинально изменила общую атмосферу в стране. Академик А.Д. Некипелов в связи с этим отмечает, что реформаторы подвели общество к опасной мысли о том, что хороши любые средства, если они способны продвинуть страну к рыночной экономике [33, с. 306–307]. Возникшая в обществе морально-психологическая атмосфера оказалась тем мощным фоном, на котором все происходящие далее события неизбежно приобретали антиобщественный, преступный характер, что породило систему социальных болезней. Разгул коррупции – это только одна из нравственно-

психологических патологий созданного общества, правда, самая заметная.

ПСИХОЛОГИЯ СОБСТВЕННИКА В НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

Анализ внутреннего мира новых российских собственников даёт столь же безрадостную картину. Исследование Института психологии РАН показало, что для российских деловых людей “деньги – это не только ответственность, но и лживость, беспринципность, несправедливость...”, т.е. их отношение к деньгам в целом нравственно-негативное, конфликтное [19, с. 55]. Созданная в 1990-х годах система частного капитала пропитана идеологией всеобщей сервильности в полном соответствии с теорией угодничества (*a theory of “yes men”*) Каниса Прендергаста [47, с. 759]. В этих условиях понятие института частной собственности как политэкономической основы демократического общества утрачивается. Трудно предполагать у тех, кто получил свою долю национальных богатств России в 1990-х годах, наличие развитого гражданского самосознания, и, прежде всего, ответственности за свою страну. За прошедшие 20 лет в России так и не появился средний класс (именно класс, а не средний потребительский слой), осознающий как свои права, так и обязанности. «Большинство “деловых людей”, – пишет бывший помощник первого президента России В.В. Костиков, – застряли в роли перекупщиков, спекулянтов, рейдеров, теневиков, биржевых игроков, мастеров “слияний и поглощений” и организаторов иных сомнительных услуг. И для них чем меньше законов ведения бизнеса, тем лучше. Поэтому в России нет ни одной настоящей буржуазной партии» [26, с. 8]. Новый российский собственник исходит из того, что общего блага не существует вообще, а следовательно, он не имеет к этому никакого отношения. Его психологическая установка, считает проф. С.С. Дзарасов, заключается в том, что всё, попавшее в его руки, он рассматривает как свою добычу и личную привилегию. “Этим он отличается от своего западного двойника, который признаёт, что частная собственность необходима не только для частного присвоения, но и для выполнения определённых общественных функций. Без этого она всегда будет объектом общественного посяательства и не сможет остаться неприкосновенной. Нынешний российский собственник, – подчёркивает Дзарасов, – является носителем криминального, а не рационального типа сознания... Наша сегодняшняя трагедия состоит в том, что

богатства оказались в собственности криминального класса, который способен захватывать чужое добро, но не способен созидать. Сознвая незаконность сделанных им приобретений и обладая уголовной психологией, он смотрит на собственность других отнюдь не с уважением, как принято в цивилизованном обществе, а так как принято в уголовной среде, т.е. как на очередную желанную добычу” [43, с. 249–254].

Собственность священна и неприкосновенна только в том случае, если она легитимна. Тогда она вызывает уважение в обществе. И только при этом условии частная собственность становится экономической основой гражданского общества. Но подавляющее большинство населения России не принимает итогов приватизации 1993–1995-х годов, не считает собственность, появившуюся в результате этой приватизации, легитимной. Да и само государство, по существу, придерживается такого же взгляда и время от времени открыто это показывает. “Право частной собственности носит настолько эфемерный характер, – пишет директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности Н.В. Злобин, – что в стране нет более запуганных и политически лояльных людей, чем люди с собственностью” [20, с. 4]. Рейдерские захваты даже крупных предприятий, не говоря уже о средних, – набивший оскомину сюжет современных российских массмедиа. Бизнес в сфере производства – рискованное в современной России занятие. По существу, нынешний российский собственник, особенно производитель – наиболее уязвимая фигура как для власти, так и для криминала, поэтому ни о какой его самостоятельности не может быть речи, он не может быть социально-экономической опорой общества. По показателю защищённости частной собственности в 2011 году Россия среди 130 государств занимала 98-е место [2, с. 11].

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ

В массовом сознании 1990-е годы являются периодом, когда в России был совершён коррупционный прорыв и не был совершён модернизационный. Невроз идентичности, вызванный примитивизацией экономики, отсутствием за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации производства, не мог не привести к определённой ущербности общественной психологии. Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов,

закрепивших нерешённые проблемы в комплексы ущемлённости, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости. Невозможность “вхождения в Европу”, продемонстрированная постсоветским периодом, создала ложное самопредставление этноса о роковой его неспособности к модернизации, вечном отставании. Если 1920-е и 1950-е годы дали российскому этносу увидеть реальный мощный технический прорыв и показали способность нации к нему, то 1990-е годы, превратившие страну в технологическое захолустье, показали обратное. Нынешнее неверие в способности страны к модернизации – это ещё одна психологическая травма, нанесённая реформами 1990-х годов.

Реформаторы деформировали базовую ценностную модель россиян. Процесс криминализации общества привёл к снижению статуса умственной деятельности. Подводя итоги дискуссии о современных ориентациях российской молодёжи, проф. В.Л. Иноземцев подчёркивает, что “1990-е и 2000-е годы обесценили высшее образование, а власть в последнее время делает акцент на политически выгодное ей оглушение молодого поколения, а не на повышение его образовательного уровня. Цели собственного интеллектуального совершенствования вообще не присутствуют в первой десятке основных жизненных целей молодых россиян. Ценность знания уступила место ценности социальной агрессии, неразборчивости в средствах достижения цели и грубой физической силы” [22, с. 159]. Алчность, озлобленность, агрессия – явления, с которым сталкивается сегодня каждый россиянин. У нас самая высокая смертность от убийств: 28 случаев на 100 тысяч человек (данные НИУ ВШЭ “Демоскоп” за 2010 г.). Для сравнения: это в 50 раз больше, чем в Великобритании [2, с. 9]. Убийства – самый яркий показатель, характеризующий уровень насилия в стране. Отвечая на вопрос: “Почему в России сегодня чрезвычайно агрессивные люди?” – заведующий отделом клинической психологии Научного центра психического здоровья РАМН проф. С.Н. Ениколопов подчёркивает, что «агрессия сегодня проявляется как защита своего Я во враждебной среде, ибо в возникшей после реформ социальной среде россиянин часто ощущает атаку на своё Я. Сегодняшний россиянин очень травмирован ещё и потому, что в нынешнем обществе нет правил. Когда человек не знает правил, он пребывает в растерянности. Эта растерянность называется “аномия”, она выражается в самоубийствах, уходе в религию, наркотики, алкоголизм. И, разумеется, в физическое насилие, когда он крушит неважно что, не задумываясь»

[32, с. 7]. Социальная среда, в которой доминируют физически сильные, лишённые нравственных ограничений, не признающие никаких правил люди, заставляет других, менее приспособленных, испытывать хронические перенапряжения в повседневной жизни. Таким образом, источником стрессового напряжения становится собственная жизнь человека в этом обществе. 55% россиян периодически испытывают страх перед беспределом и разгулом преступности в стране, а ещё 36% часто испытывают это чувство. В то же время 39% россиян периодически чувствуют желание “перестрелять всех взяточников и воров, из-за которых жизнь в стране стала такой, какова она сейчас”, а 34% ощущают это желание часто [15, с. 60]. Реформаторы понизили порог чувствительности общества к социальной патологии. Выдвинутый в 1990-х годах лозунг “обогащение любой ценой” привёл к формированию у части российского населения психологической готовности к преступлению. Уголовные сообщества начали расти, как грибы. В январе 1995 года на территории России действовали более 15 000 криминальных групп (в 1990 году их было менее 50) [11, с. 78]. “Наиболее наглядно суть реформ эпохи Ельцина–Гайдара характеризует динамика суицидов, – считает проф. Л.Л. Рыбаковский. – Число самоубийств в 1994 г. по сравнению с 1991 г. возросло на 59.7%, в том числе у мужчин на 66.1%, а у сельских мужчин – даже на 73.6%” [40, с. 169–170]. В 2007 году Министерство образования РФ впервые опубликовало данные по суициду среди школьников – 3019 в 2006 году, что вывело Россию по этому показателю на первое место в мире (в 1991 году наша страна по этому показателю занимала 76-е место) [23, с. 49]. В 2005 г. директор Государственного научного центра им. Сербского, бывший министр здравоохранения РФ Т.Б. Дмитриева сообщила, что уровень психических расстройств в РФ с начала 1990-х гг. увеличился в 11.9 раза, а доля освобождённых от призыва по соответствующим показателям составляет 22.7% от общего числа призывников [2, с. 8].

“Как это ни печально констатировать, – заключает академик О.Т. Богомолов, – но реформы в России привели к пагубному расстройству не только экономики, но и всей системы общественных отношений” [4, с. 17]. Можно к этому добавить, что ущерб, нанесённый психологической сфере, наиболее разрушителен для общества, ибо человеческая составляющая определяет и экономику, и политику, и право, и этику, и все остальные стороны общественной жизни.

Разумеется, и сами российские реформаторы не могли не признать направленности и масштаба содеянного. Внимательное знакомство с книгой Е.Т. Гайдара “Государство и эволюция”, где он излагает свою концепцию реформ, позволяет сделать вывод о том, что идеолог приватизации в России всё же вынужден согласиться с тем, что, проведённая таким способом, она нанесла громадный ущерб национальным интересам России, но предостерегает: «Не национализировать же назад то, что наконец-то стало “своим”, не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распахать (именно так в тексте – *Р.С.*) по карманам» [10, с. 193]. Фраза – “успели распахать по карманам” – является, на мой взгляд, ключевой для понимания тех принципиальных различий, которые разделяют приватизацию в России и приватизацию в других постсоциалистических странах. Если экономические реформы у наших восточноевропейских соседей были призваны модернизировать экономику, то у российских реформаторов задача была иная – произвести как можно быстрее делёж государственной собственности. Е.Т. Гайдар воспользовался, может быть, по неосторожности очень точным словом – “распахать”. В этом просторечном глаголе содержится указание на максимальное проворство, стремительность неблаговидного действия – пока не хватились. А фраза-оговорка, по существу, в откровенной форме отражает социально-этическую сущность российских реформ.

КРИТЕРИИ ОТБОРА КАДРОВ РЕФОРМАТОРОВ

Многие поступки первого президента России было невозможно спрогнозировать. Почему Б.Н. Ельцин предпочёл вдруг команду “младореформаторов” авторам-разработчикам уже имеющейся и поддержанной научным сообществом, а также широкой общественностью программы “500 дней”? Почему он не реагировал на жёсткую критику гайдаровской программы со стороны многочисленных оппонентов, практически всех без исключения виднейших экономистов и социологов?

Какие человеческие качества Е.Т. Гайдара и его соратников определили выбор? Ответ не столько убедительный, сколько показательный, даёт (как писала недавно “Российская газета” [39, с. 3]) “духовный учитель тех реформаторов, которых возглавлял Гайдар, проф. Е.Г. Ясин” (бывший министр экономики в 1990-х годах, а ныне научный руководитель созданного в 1992 году правитель-

ством Е.Т. Гайдара НИУ ВШЭ): “Быть может, в стране нашёлся бы ещё с десяток людей, которые бы знали всё это лучше Гайдара. Но кроме знаний нужно было ещё иметь и волю. Представим, что на месте Гайдара был бы человек, которого я очень уважаю – последний председатель Госплана СССР Юрий Маслюков. Он знал российскую промышленность лучше Гайдара. Но что это давало для решения задачи? Маслюков же не знал (именно так по тексту – *Р.С.*), что нужно высвобождать цены, а потом терпеть. Он же не знал, что при этом нужно проводить жёсткую финансовую политику, чего бы это ни стоило, стоять насмерть и не слушать никого. А Гайдар всё это знал” [31, с. 5].

В перечне многократно перечисляемых соратниками Е.Т. Гайдара качеств, которые определили его преимущество перед другими претендентами: “знал”, “не боялся взять на себя ответственность”, “обладал решительностью”, “имел непреклонную волю”, “никого не слушал” – последнее качество было действительно исключительным, если не уникальным. Академик Н.Н. Моисеев, давая характеристику Е.Т. Гаюдару, пишет: «Меня несколько озадачила его “самодостаточность”. Его способность “не сомневаться”, столь необходимая военачальнику, но никак не отвечающая обязанностям аналитика. Как председатель совета по анализу критических ситуаций я трижды писал письма Е.Т. Гаюдару с предложением услуг, но он на них даже не посчитал нужным ответить. Дважды наш совет организовывал в Верховном Совете слушания, и наши доклады направлялись в правительство. Ни разу я не видел ответной реакции... Е.Т. Гаюдар стал стремительно продвигать “шоковую терапию”. При этом он говорил о том, что цены возрастут в несколько раз. Но академик А.А. Петров (тогда он был еще членом-корреспондентом Российской академии наук), владевший развитой системой математических моделей российской экономики, предсказывал повышение цен в 4–5 тыс. раз. А поскольку расчеты А.А. Петрова были строго обоснованы, то я стал подозревать, что Е.Т. Гаюдар просто вообще ничего не считал. Как я теперь понимаю, он и не мог считать, ибо это делать он не умел» [30, с. 219].

Редкостная в общественной практике, а тем более в научной (ведь Е.Т. Гаюдар, как и многие другие члены его правительства, имел учёную степень) способность “никого не слушать”, избегать какого-либо диалога с оппонентами – родовое качество российских реформаторов. Они не утратили его и через 20 лет. Тот, кто никого не слушает, прав в двух случаях. Или он действи-

тельно знает всё, или совершает нечто несправедливое. Но ведь всё знает только Господь Бог. Тому же, кто собирается заняться не совсем праведным делом, любые вопросы, а тем более – вопросы оппонентов будут только мешать. Подобная нравственно-психологическая ситуация детально описана Ф.М. Достоевским в романе “Бесы”.

По словам М.Н. Полторанина, кандидатуру Е.Т. Гаюдара буквально навязал Ельцину Геннадий Бурбулис [36, с. 79]. Д.В. Валовой объясняет это тем, что «Бурбулис, зная, что он будет “первой скрипкой” в новом правительстве, не хотел приглашать профессионала или известного экономиста, чей авторитет довлел бы над первым вице-премьером, а предпочёл неизвестного в ту пору Гаюдара» [6, с. 273]. Председатель Верховного Совета РФ в 1991–1993-х годах, член-корр. РАН Р.И. Хасбулатов пишет: “Зная хорошо Ельцина, я до сегодняшнего дня задаю себе вопрос: почему он так отчаянно дрался за Гаюдара? Да потому что другую команду, которая могла бы так бездумно осуществить самые жестокие мероприятия, трудно было бы отыскать” [2, с. 12]. Представляется, что убедительно дополняет ответ на вопрос “почему Гаюдар?” А.Н. Илларионов (в то время первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ). Он считает, что Е.Т. Гаюдар обошёл Г.А. Явлинского потому, что Б.Н. Ельцин не согласился с его вполне разумным и естественным условием сохранить общее экономическое пространство между новыми государствами. “Предложение Явлинского об экономическом договоре республик оставляло шансы М.С. Горбачёву, а Б.Н. Ельцин на это пойти не мог. Ему нужна была власть, а не формат государства. Поэтому выбор команды определила не столько предложенная ею программа реформирования, сколько лояльность её руководителя к Б.Н. Ельцину” [21, с. 160–161].

Рискну предложить ещё одно обстоятельство, повлиявшее на назначение Е.Т. Гаюдара. В качестве одного из решающих, на мой взгляд, мотивов этого выбора можно указать на историческую аналогию. И.В. Сталин, как впоследствии и Н.С. Хрущёв, возвысили Т.Д. Лысенко только потому, что тот решительно (и “смело”, и “ответственно”) обещал быстрый результат, чего, естественно, не мог позволить себе академик Н.И. Вавилов, потому что он, как подлинный учёный, знал, что так не бывает. Гаюдар обещал Ельцину не просто быстрый, а чрезвычайно быстрый успех реформ (через полгода, т.е. к осени 1992 года), что дало тогда основание первому президенту РФ громко и пообещать россия-

нам лечь на рельсы в случае неуспеха. Поэтому ещё одна причина выбора Гайдара заключалась в том, что Явлинский предлагал более медленное, постепенное вхождение в рынок – начать реформы с продажи гражданам государственной собственности: сначала небольших предприятий, со стерилизацией полученных денежных средств и постепенной либерализацией цен (именно так это было сделано в других постсоциалистических странах Европы). Но, как справедливо заметил эстонский академик М.Л. Бронштейн, “первому президенту России долго ехать к капитализму было не по нраву, да и не по возрасту” [5, с. 141].

В научном сообществе существуют и более жесткие суждения. Так, академик Г.В. Осипов, анализируя тревожную динамику российского общества, пришёл к выводу о том, что “спустя двенадцать лет после начала реформ страна находится в состоянии глубокого системного кризиса. Его основной причиной является избранный путь реформ, в результате которого был и задуман, и осуществлён антинациональный передел собственности” [34, с. 43]. Действительно, если не было умысла, то почему реформаторы так упорно скрывали свои действия? Не объясняли населению сути происходящего? Разве кто-нибудь мешал им, тогдашним хозяевам страны, и тем более хозяевам СМИ, делать это? В их планы не были посвящены даже члены их правительства. “Не очень-то они желали распространяться о том, что задумали”, – пишет министр информации в правительстве Е.Т. Гайдара М.Н. Полторанин [36, с. 240]. Достаточно резонный, а главное, исчерпывающий ответ на эти вопросы даёт проф. Е.Г. Ясин: “Бывают ситуации, когда вам просто нечего сказать” [31, с. 5].

Возможно, считают другие аналитики, первоначально умысла не было, но было опьянение властью, открывшимися фантастическими возможностями. Об этих чувствах достаточно откровенно сообщает Б.Н. Ельцин в книге “Записки президента”: «Помню, как мы с Львом Сухановым впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Верховного Совета РСФСР. Кабинет настолько огромный, что Лев Евгеньевич изумлённо сказал: “Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!” Я в своей жизни уже успел повидать много кабинетов. И всё-таки этот мягкий, современный лоск, весь этот блеск и комфорт меня как-то приятно кольнули. Ну и что? – подумал я. Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили!» [17, с. 33]. Это “отхватили” органично дополняет вышеупомянутое “распихали по карманам”.

Придерживающиеся взгляда о наличии умысла ссылаются на беспрецедентную в мировой истории быстроту приватизации. “Программы приватизации, – пишет Гайдар, – правительство с огромным трудом пропихнуло (именно так в тексте – *Р.С.*) через Верховный Совет, растрачивая остатки первоначального политического капитала реформаторского курса” [10, с. 159]. Здесь стоит привести недавнее признание А.Б. Чубайса: “Победа не была окончательной. Верховный Совет на время затих, а потом очухался (так в тексте – *Р.С.*) и опять пошёл в атаку. В те годы депутаты обладали правом приостанавливать действие президентских указов, а ведь у меня вся приватизация на этом строилась. Мы подготовили многослойную программу противодействия плану Верховного Совета..., конструкция с залоговыми аукционами была придумана в конце 1995 г., а обо всём с олигархами договорились в январе 1996 г. в Давосе. Дальше тянуть было нельзя, выборы приближались, а Ельцин имел катастрофически падающий рейтинг” [8, с. 30–31].

Поскольку экономические реформы в России часто сравниваются с реформами в странах Балтии – они стартовали одновременно, стоит привести оценку наших соседей. Вот мнение эстонского политолога Карин Лийк, которое она высказала в 2007 году на одной из авторитетных дискуссий, организованной Московским Фондом “Либеральная миссия”: “Мне довелось в течение шести с половиной лет работать журналистом в России. Внимательно наблюдая за тем, как происходили здесь постсоветские реформы, я много размышляла о российском правящем классе. И поняла, что едва ли не решающую роль в определении стратегического вектора развития страны играют люди, которые эти реформы начинают. Думаю, что готовых и способных строить демократию в России не оказалось. Эстонии в данном отношении повезло больше” [38, с. 25].

Можно согласиться с К. Лийк, что Эстонии повезло, а России не повезло с реформаторами, но никак нельзя согласиться с тем, что в отличие от маленькой Эстонии в огромной России людей, готовых и способных строить демократию, не было. К сожалению, сложившееся в 1990-х годах представление о России как стране, характеризующейся отсутствием людей, которые по своим человеческим качествам соответствуют высокой цели общественных преобразований, а главное, готовы эти качества использовать на благо своего народа, разделяют многие представители истеблишмента соседних с Россией восточноевропейских государств. Действительно, таких авторитет-

ных, честных и ответственных за судьбу своего народа, как Дэн Сяопин в Китае, Альгирдас Бразаускас в Литве, Эдгар Сависаар в Эстонии, Владимир Мечьяр в Словакии, Лешек Бальцеревич в Польше, Вацлав Гавел в Чехии на российском политическом олимпе в 1990-годах не оказалось. Но вовсе не потому, что в России не было такой породы управленцев.

Конечно же, умных, честных и энергичных людей, способных осуществлять реформы, в России было немало. Но они не были востребованы, потому что не вписывались в задуманный сценарий. К. Лийк, как и многие другие западные аналитики, не учла особенностей кадровой селекции в новой России. Пожалуй, наиболее ярким примером эффективности этого селективного механизма может служить эпизод с В.П. Полевановым. Губернатора Амурской области – многолетнего и заслуженного колымского геолога, знаменитого человека в Сибири – назначили 17 ноября 1994 года председателем Комитета по управлению государственным имуществом и одновременно вице-премьером (вместо А.Б. Чубайса, который ушёл тогда на повышение – первым вице-премьером). Став третьим по рангу лицом в правительстве РФ, В.П. Полеванов приобрёл не только высокий государственный статус, но, что более важно, получил возможность ознакомиться со многими документами приватизации, и был, по его словам, “ошарашен и цинизмом, и масштабами расхищения государственной собственности”. Тщательно изучив материалы приватизации, он подготовил и подал премьер-министру В.С. Черномырдину подробную докладную записку о творящихся в стране преступлениях (этот поражающий изображение документ опубликован [35]). В.П. Полеванов подал свою записку 18 января 1995 года. Через три дня – 21 января 1995 года – был уволен. Как пишет близкий тогда к Б.Н. Ельцину М.Н. Полторанин: «уволен в “авральном порядке”» [36, с. 112].

АПЕЛЛЯЦИЯ К “РОССИЙСКОЙ СПЕЦИФИКЕ”

Российской правящей верхушке нужно было убедить общество в заведомой ущербности субъективного фактора, внедрить в общественное сознание тезис о предопределённости злоупотреблений в высших эшелонах власти (“таков капитализм”). В неявном, а подчас и в явном виде в этом “общемировом” контексте присутствовала и пресловутая “российская специфика”. Это обращение реформаторов к “этнической состав-

ляющей” тянется шлейфом в 2010-е годы. Цитирование Карамзина о том, что в России воруют – любимое занятие ангажированных российских массмедиа. Но что эта ссылка означает? Только то, что интеллигентный человек рефлексивен, отличается повышенной совестливостью и впечатлительностью, поэтому особенно болезненно реагирует на любое социальное уродство. В этом смысловом ряду – усердно цитируемое, ставшее классическим бальзаковское “все большие состояния нажиты нечестным трудом”. Но точно такие же горестные замечания можно найти у классиков английской литературы XVIII века Дж. Томсона, Л. Стерна, С. Ричардсона, Г. Филдинга (“сентименталистов”), когда в Англии размеры коррупции стали опасными для общества.

Но усиленно пропагандируемую в тот период “фатальность воровства” в России опровергают многочисленные исторические примеры, которые свидетельствуют о совершенно иных для нашей страны вариантах. Вот, например, как писал В.О. Ключевский о российских государственных деятелях XVII века – кануна петровских реформ: “... в борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготавливали не только и не столько саму реформу, сколько самих себя, свои умы и совести к этой реформе” [25, с. 337]. То, что нравственные качества руководителей России при переходе от тоталитарного строя к демократическому оказались ниже, чем при переходе от Средневековья к Новому времени, есть социальная реальность, но никак не закономерность. Популярную ныне сентенцию о генетической нечистоплотности российских реформаторов опровергают и события после Февральской революции 1917 года. Парламентские лидеры, которые тогда получили власть, в большинстве своём были образованными и честными людьми, что никогда не отрицали даже самые ярые их враги – большевики. Они не грабили свою страну, не обманывали её народ. Никто из них не был замечен в стремлении к личному обогащению, в каких-либо злоупотреблениях властью. Или такой уклад, как дореволюционный российский капитализм, в котором тон задавали старообрядцы (аккумулировавшие две трети российского капитала), о высочайшем уровне моральной опрятности которых свидетельствует обширная литература, как отечественная, так и зарубежная. Или сменивший его коммунистический тоталитарный режим, где уголовная преступность вообще, а казнокрадство и воровство в частности, были редкими, если не

сказать исключительными (распространившимися в последние годы “застойного” брежневского периода).

“Но почему именно возникший в начале 1990-х годов уклад дал чудовищный взрыв всяческого воровства, казнокрадства и коррупции, – правомерно ставит вопрос проф. Ю.Н. Давыдов, – причём взрыв не одномоментный, а растянувшийся (и продолжающий растягиваться) на целый исторический период, какого не знал ни дореволюционный капитализм, ни тоталитарный социализм?” [14, с. 31]. Ответ на это вопрос следует искать в личностных качествах российских реформаторов, их психологических установках и нравственных эталонах. “Ошеломлённая от своего неожиданного сверхбогатства, – писал о российской правящей верхушке 1990-х годов А.И. Солженицын, – эта сплотка корыстных людей, бесконечно равнодушных к судьбе подвластного им народа и даже к тому, выживет ли он вообще или нет” [42, с. 49]. Анализируя источники ущербной морали первых руководителей России, американский политолог Д. Сэттер, долгое время проживший в России, приходит к следующему выводу: «Большинство этих “молодых реформаторов” в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать “построению коммунизма”. Хотя они были в значительной степени прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным воззрениям. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них беспощадность по отношению к другим чиновникам коммунистического режима и к россиянам вообще» [41, с. 47]. Концептуальная антигуманность, игнорирование средств ради цели указывает на кровное родство революционеров 1917 года (“нравственно всё, что ведёт к победе коммунизма”) и нынешних радикальных реформаторов (“нравственно всё, что ведёт к победе рынка”). Просто в первом случае, замечает директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг, в России победил крайний радикализм левого толка, а во втором – правого [12, с. 8]

Есть такое понятие – “кабинетные специалисты”. Их общая беда, заключающаяся в слабом знании собственной страны, собственного народа, и упомянутой проф. Е.Г. Ясиным “собственной промышленности”, становится особенно непростительной, если речь идёт об управленцах высшего звена. Этот фундаментальный недостаток реформаторов отмечают те, кому приходилось сотрудничать с ними. “Было очевидно, – свиде-

тельствует один из самых успешных российских губернаторов М.М. Прусак, достаточно близкий к реформаторам, – что правительство возглавили люди, совершенно оторванные от практики. Они и выбрали самый радикальный и самый болезненный вариант, поскольку не видели другого” [37, с. 14]. Незнание часто является источником враждебности. Махатма Ганди утверждал, что, чтобы хорошо управлять, надо знать и любить свой народ. Как поступки, так и высказывания российских реформаторов свидетельствуют о том, что ни того, ни другого у них не было. Этнические особенности их мало интересовали¹. В начале 1990-х годов реформаторы по поводу собственного народа и его судьбы часто высказывали пренебрежительные и даже бесчеловечные оценки (вроде гибели 30 миллионов, не сумевших приспособиться к рынку), от которых впоследствии приходилось публично отказываться [44, с. 5]. Об этом, например, свидетельствует высказанное в феврале 1992 года Гайдаром на совещании по социальным проблемам суждение о том, что уход из жизни людей, неспособных адаптироваться к радикальным преобразованиям, – дело естественное [44, с. 3]. Или столь же откровенный его ответ на вопрос о том, что будет в итоге реформ с пенсионерами – “они умрут” [31, с. 4] – более всего свидетельствует о нравственных установках этих людей. М. Бергер приводит характерное высказывание П. Авена – одного из членов правительства Гайдара: “Безусловно, когда большевики рубят лес, то щепки летят. Чубайс не любит концентрироваться на щепках, а любит указывать на достигнутые результаты. С залоговыми аукционами, я считаю, щепок было слишком много, и они слишком опасно разлетелись, кое-кого поубивало даже” [3, с. 139]. “Щепки” (например, число умерших в 1994 г. превысило уровень 1991 г. на 788 тысяч человек) [40, с. 170] их не интересовали, главным был достигнутый результат. Российская политическая верхушка не только не проявила даже малой степени национальной солидарности с собственным народом, но и, сознательно и умело воспользовавшись его доверием, ограбила его. Более того, в действиях молодых российских реформаторов была даже какая-то внутренняя ненависть к народу, который их привёл к власти. Она часто проявлялась в оговорках и обмолвках реформаторов. Пожалуй, наиболее откровенно её выразил один из главных единомышленников

¹ Если бы они ставили задачу учитывать национальную психологию своего народа, то выбрали в качестве модели не сверхлиберальную американскую, а более близкую к менталитету россиян скандинавскую социал-демократическую модель капитализма.

Гайдара, глава Госкомимущества в его правительстве – А. Кох, который в интервью одной из ведущих американских радиокompаний – Нью-Йоркскому радио *WMNB* – 23 октября 1998 года крайне неприязненно высказался о России и о русском народе. Психологически объяснимо, почему обманщик относится к обманутому им с известным презрением. Возможно, и грабитель презирает тех, кого он так ловко ограбил. Во всяком случае, обвинение в воровской приватизации А. Кох отпарировал тем, что “народ не был ограблен изначально, потому что ему всё это не принадлежало”. На вопрос о прогнозе будущего России через десять лет дал ещё более уничижительную оценку: “Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех, кто умеет думать. В последующем – превращение в десяток маленьких государств. Россия никому не нужна. Она только мешает... В мировом хозяйстве для неё нет места. Россия – обанкротившаяся страна” [7, с. 318–319]. Откровения А. Коха не следует рассматривать только лишь как неприязнь к собственной стране: это прорвавшееся наружу внутреннее убеждение, политическое кредо представителей его социальной среды. Не странно ли, что людям с такими взглядами было поручено проведение реформ в России? Нынешняя погрязшая в клубке глубоких противоречий Россия – результат их деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый исторический момент, а уж тем более переломный, имманентен различными сценариями развития, а роль субъективного фактора становится в переломных ситуациях решающей. Анализируя решения Б.Н. Ельцина в начале осени 1991 года, нельзя не вспомнить великого экономиста Джона Кейнса, который ещё в середине прошлого века подчеркнул, что “сумасбродные политики, стоящие у власти, имеют гораздо большее значение в истории, чем об этом принято думать” [24, с. 518]. Возникшее несоответствие между масштабом и качеством исторических задач и масштабом и личными качествами реформаторов оказалось драматическим для нашей страны. Построенная реформаторами в середине 1990-х годов экономическая модель в России создала новых собственников и новые отношения собственности. А именно эти отношения в системе общественных отношений являются базовыми. Отношения собственности определяют социальную структуру общества, его политический аппарат, гражданско-правовую систему, организацию хозяйственного управления, а главное,

оказывают решающее влияние на ценностные ориентации и установки человека, на общую социально-психологическую атмосферу в стране. Именно нравственно-психологической сфере общества реформаторы нанесли особенно тяжёлый урон. Население России испытало культурно-травматический шок, последствия которого будут ещё долго влиять на общественное сознание и общественное настроение. За двадцать лет произошло широкое осознание порочности экономической модели, созданной российскими реформаторами в середине 1990-х годов. В обществе всё более осознаётся необходимость кардинальных перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абалкин Л.И.* Выбор за Россией. М.: Институт экономики РАН, 1999.
2. Аргументы и факты. 2005, № 29. 2010, № 6. 2011, №№ 23, 27.
3. *Бергер М.* Крест Чубайса. М.: КоЛибри, 2008.
4. *Богомолов О.Т.* Нуждается ли рынок в нравственности? Взаимодействие экономики, политики, культуры и морали в переходных обществах // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М.: ИНЭС, 2006.
5. *Бронштейн М.Л.* На рубеже эпох. Таллинн, 2002.
6. *Валовой Д.В.* От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. М.: Терра, 2007.
7. *Валянский С.И., Калюжный Д.В.* Понять Россию умом. М.: Крафт +, 2002.
8. *Ванденко А.* Быть Чубайсом. Интервью с А.Чубайсом // Итоги. 2011. № 3.
9. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
10. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
11. *Гилинский Я.И.* Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб.: Петрополис, 1996.
12. *Гринберг Р.С.* Россия: экономический успех без развития и демократии? // Россия и современный мир. 2006. № 1.
13. *Гудков Л.Д.* Неклассические задачи социологии: “Культура” и мораль посттоталитарного общества // В кн. Пути России: культура-общество-человек. М.: РОСПЭН, 2008.
14. *Давыдов Ю.Н.* Россия в свете различия Вебером двух типов капитализма // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 31.
15. Двадцать лет реформ глазами россиян. Опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь мир, 2011.

16. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 1996.
17. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М.: Огонёк, 1994.
18. *Журавлёв А.Л., Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006.
19. *Журавлёв А.Л., Курейченко А.Б., Горбачёва Е.И.* Нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения предпринимателей и менеджеров // Психологический журнал. 2012. № 1. С. 50–65.
20. *Злобин Н.Н.* Это политический кризис // Ведомости. 2009. № 17.
21. *Илларионов А.И.* Трудный путь к свободе. О роли личностей и их мировоззрения в недавней российской истории // Континент. 2010. № 145.
22. *Иноземцев В.Л.* О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышления о самобытности (сборник статей). М.: Алгоритм, 2008.
23. *Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А., Глазьев С.Ю.* Куда идёт Россия. Белая книга реформ. М.: Алгоритм, 2008.
24. *Кейнс Дж. М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1993.
25. *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 тт. Т. 3. М.: Изд. Соц.-эконом. литературы, 1958.
26. *Костинов В.В.* Российский бизнес ещё не осознаёт себя как созидательный класс // АИФ. 2007. № 29.
27. *Кочегарова Т.М.* Учёные и предприниматели: впервые лицом к лицу // Россия и современный мир. 2012. № 3.
28. *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000 гг. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
29. *Лихачёв Д.С.* Совесть – гарантия свободы // Время жить вместе. 2007. № 1.
30. *Моисеев Н.Н.* Избранные труды в 2-х тт. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.: Тайдекс Ко, 2003.
31. Московский комсомолец. 22.01.2010. 25.01.2010.
32. Московские новости. 08.06.2011.
33. *Некпелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М.: Экономика, 1996.
34. *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке. М.: Наука, 2003.
35. *Полеванов В.П.* Технология великого обмана. М.: АСТ, 1995.
36. *Полторанин М.Н.* Власть в тротильном эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо, 2010.
37. *Прусак М.М.* Реформы в провинции. М.: Экопрос, 1999.
38. Путь в Европу / Под общей редакцией И.М. Клямкина и Л.Ф. Шевцовой. М.: Новое издательство, 2008.
39. Российская газета. 18.11.2011
40. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое развитие России в конце XX – начале XXI веков. М.: ИСПИ РАН, 2010.
41. *Эттер Д.* Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. М.: Объединённое гуманитарное издательство, 2004.
42. *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998.
43. Теория капитала и экономического роста. / Под ред. проф. С.С. Дзарасова. М.: Изд. МГУ, 2004.
44. *Соловьёв А.* Говорит и показывает Анатолий Чубайс // Промышленные ведомости. 2002. № 17–19 (53–55).
45. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
46. *Яницкий О.Н.* Россия как общество всеобщего риска // Социологические исследования. 2002. № 7.
47. *Prendergast C.* Theory of “Yes Men” // American Economic Rev. 1993. Vol. 83. № 4.

RUSSIAN ECONOMIC REFORMS OF 1990-TH: PSYCHOLOGICAL ASPECTS

R.H. Simonyan

*Sc.D. (sociology), leading research officer, Federal State-financed Establishment of Science,
Institute of Sociology RAS, Moscow*

The role of subjective factor in post-soviet history is analyzed. Economic model started by reformers in the midst of 1990-th and its influence on public mood, psychology of proprietor, socio-psychological health of nation etc. are considered. Its negative influence on all spheres of society life and on moral – psychological sphere in particular is shown. Its detriment turned out to be the most destructive since economy, politics, law and all spheres of public life depends mainly on man’s component.

Key words: economic reforms of 1990-th, mass consciousness, nation’s psychological health, atomization, alienation, aggression, anomia, psychology of Russian proprietor, “Russian specificity”, new bolsheviks, armchair specialists.